

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

О.К. Сухова

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

ГУБЕРНСКАЯ ВЛАСТЬ И ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40115 (Древности)

Первоначальными мерами в системе охраны памятников археологии в XIX веке являлись фиксация находок и сбор информации о древностях.

Во многих регионах России сведения о памятниках старины целенаправленно собирали статистические комитеты, ученые архивные комиссии, учителя, священники, но больший массив находок – случайные обнаружения кладов. Обязанность пересылки найденных предметов в Санкт-Петербург в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК) ложилась на губернаторов с 1859 г., но и до этого времени губернаторы были ключевым звеном в системе охраны древностей.

В 1820 г. попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий просит пензенского губернатора через исправников собрать сведения о городищах. Все исправники, кроме инсарского и керенского, рапортуют, что древностей на подведомственной им территории нет [1, лл. 1-9].

В 1869 г. министерство внутренних дел предписывает губернатору доставить в Техническо-строительный комитет МВД описание и чертежи памятников, крепостей и т.п. Опираясь на рапорты уездных исправников, губернатор отвечает, что «никаких памятников и замечательных зданий древности... не имеется» [2, лл. 1-18].

30 мая 1896 г. земский начальник 4-го участка Нижнеломовского уезда передает Пензенскому губернскому статистическому комитету кость, найденную крестьянином села Покровской Варезжки, и сообщает, что неподалеку от места находки есть курганы. Его интересует «не найдет ли возможным Комитет поручить кому-либо их исследование» [3, л. 5].

В 1901 г. в Пензе открылась губернская ученая архивная комиссия (ПУАК), и губернатор стал ее непременным попечителем.

Член ПУАК С.Н. Мартынов 26 апреля 1902 г. сообщает правителю дел Комиссии В.П. Попову о том, что в окрестностях с. Кадыковки Наровчатского уезда, в кургане, крестьянин нашел 50 серебряных слитков новгородского типа. С.Н. Мартынов просил наровчатского уездного исправника

«учредить охрану этого кургана», а В.П. Попова – командировать кого-либо для производства дальнейших раскопок. Слитки были отправлены через полицию ПУАК, далее переданы губернатором в ИАК, которая за находку назначила крестьянину вознаграждение в сумме 500 руб. Гривны поступили в Императорский Эрмитаж, Императорский Российский Исторический музей и Пензенский музей. Часть продали [4, лл. 26-28; 8, с. 51; 9, с. 126, 168; 11, с. 12].

15 марта 1913 г. ИАК просит ПУАК организовать надзор за работами при постройке железнодорожных ветвей в Нижнеломовском и Чембарском уездах. Надзор поручили осуществлять уездным исправникам, станковым приставам, урядникам и стражникам [5, лл. 1–5, 10, 31; 10, с. 133, 134]. Губернатор требовал «...иметь неослабный контроль за тем, чтобы ничто из обнаруженного при производстве выемок не было скрыто или расхищено... О всех случаях обнаружения предметов древности, кладов, а в особенности могильников Вы должны немедленно по телеграфу сообщить мне и употребить все меры к охранению найденных предметов...» [5, л. 5].

Хранитель музея Пензенского Селиверстовского художественного училища В.М. Терехин в мае 1913 г. просит председателя ПУАК В.Х. Хохрякова разрешить ему провести раскопки около с. Паево Инсарского уезда. Непременный попечитель ПУАК губернатор А.П. Лилиенфельд-Тоаль ходатайствует перед ИАК о выдаче открытого листа В.М. Терехину [6, лл. 16-16об.]. Раскопки так и не состоялись [10, с. 134].

Заведующий мокшанским высшим начальным училищем А.Г. Промашев в своем сообщении ПУАК от 5 апреля 1915 г. выражает надежду, что Комиссия «озаботится сохранением “вала” (сторожевой черты), проходящего около г. Мокшана, так как жители последнего раскапывают вал и увозят землю из него на свои огороды». Он отмечает, что это делается ежегодно, так как со стороны города вал виден «как будто в целости», а другая сторона вала почти вся увезена [7, л. 1]. ПУАК и исполняющий должность губернатора поручают мокшанскому уездному исправнику через подведомственных ему чинов полиции установить «неослабное наблюдение» за валом [7, лл. 2-2об.].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что по данным неопубликованных и опубликованных источников было выявлено минимум 148 свидетельств XIX – начала XX вв. о случайно найденных в Пензенской губернии древностях. В большинстве случаев информацию о находках собирали местные власти, а губернатор являлся связующим звеном между находчиками, губернскими ведомствами и столичными научными обществами.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 783.
2. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4320.
3. ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 627.

4. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 9.
5. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 39.
6. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 41.
7. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 57.
8. ИИАК. Вып. 5. Приб. СПб., 1903. 98 с.
9. ОАК за 1902 г. СПб., 1904. 199 с.
10. Первушкин В.И. «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки...»: История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий. Пенза, 2008. 191 с.
11. Спицын А.А. Древности Пензенской губернии // Труды Пензенского общества любителей естествознания и краеведения». Вып. VII. Пенза, 1925. 23 с.

А.В. Павлов

Самарский национальный исследовательский университет

**БОГОХУЛЬСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ «КАБАЦКОЙ КУЛЬТУРЫ»
В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОН. XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
(НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДОВ САМАРСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ
И САМАРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА)**

В современной исторической науке утвердилось мнение, что в пореформенной России наблюдается «медленная секуляризация массового сознания» [8, с. 410-411]. Ее сопровождали и нарушения постов, и редкие походы в церковь, и нарушения благочиния в церквях. Вместе с тем, росло и число оскорбительных и непочтительных использований имени Бога [16, с. 186], поруганий словом или делом объектов религиозного почитания [5, с. 5] или коротко говоря, богохульств. Богохульство как практика – это крайне агрессивный способ общения со святыми и в отличие от большинства других он непр provокативен [1, с. 15], то есть не ставит целью получение благодати от Всевышнего. Суть в обратном – наказать за равнодушие.

Как рождается ситуация, в которой богохульник считает уместным грубо высказаться об объекте культа? Какие факторы способствуют его агрессии? Считает ли богохульник свои действия чем-то аморальным, неправильным?

Для ответа на эти вопросы стоит обратиться к архивным материалам – фондам Самарской духовной консистории и Самарского окружного суда. В одном из дел читаем следующее: в 1910 году в селе Хворостянка в доме крестьянина Дмитрия Босырева встретились Федор Манаков и Андрей Тимофеев Иванищев. Последний был «сильно выпивши» и стал просить деньги на водку у Манакова. Когда тот отказал, то обругал его площадной бранью. «Негоже браниться перед большим праздником», – сказал Манаков, на что Иванищев ответил: «Мать твою ети, и с Воскресеньем, и с церковью», после чего обругал скверноматерными выражениями Бога и Богородицу [11, л. 2].